

12. Панкрухин А. П. Маркетинг территорий : [Электронный ресурс] / А. П. Панкрухин. – Режим доступа : koob.ru/pankruhin
13. Сироткина И. Как приготовить вкусный бренд? : [Электронный ресурс] / И. Сироткина. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/104858>
14. Создан бренд города Саки : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.adme.ua/logotip/sozdan-brend-goroda-saki-69805/>
15. Тамберг В. Бренд. Боевая машина бизнеса : [Электронный ресурс] / В. Тамберг, А. Бадьин. – Режим доступа : www.koob.ru/badin_tamberg/brend_boevaya_mashina_biznesa
16. Чернатони Л. Брендинг. Как создать мощный бренд / Л. Чернатони. – М. : Юнити-Дана, 2006. – 559 с.
17. Що таке Свято Генерацій? : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bigggidea.com/efir/666/>

Курамшина Ю.В.

УДК 130.2:008

П.М. БИЦИЛЛИ О ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «КУЛЬТУРА» И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Вопрос о соотношении понятий «Культура» и «Цивилизация» был поднят в науке еще в XIX веке и открыт по сей день. Не остался в стороне от осмысления этой проблемы и замечательный отечественный мыслитель П.М. Бицилли (1879-1953), взгляды которого до сих пор не утратили своей актуальности. И хотя мы не найдем у Бицилли «специальной» работы, посвященной данному вопросу, воззрения ученого просматриваются из «разбросанных» по страницам его произведений отдельных высказываний и замечаний. Целью данной статьи является попытка раскрыть воззрения П.М. Бицилли на проблему «Культура – Цивилизация», показать специфику понятий «культура», «цивилизация», «культурный прогресс» и др. в его работах.

Термин «цивилизация» (от латинского *civis* – гражданин и *civilis* – принадлежащий, относящийся к гражданину) возник гораздо позднее термина «культура» – лишь в XVIII веке. Его автором, по одной версии, считается шотландский философ А. Фергюссон, который разделил историю человечества на эпохи дикости, варварства и цивилизации, имея в виду под последней высшую ступень общественного развития. По второй версии, термин «цивилизация» был введен в научный оборот французскими просветителями и означал в более широком смысле гражданское общество, в котором царят свобода, справедливость, правовой строй. По третьей, слово впервые встречается в трактате маркиза де Мирабо «Друг людей, или Трактат о народонаселении» (1756). Характерно, что, вводя новое понятие, Мирабо дает и его определение: «Я удивляюсь, – восклицает он, – насколько ложны наши взгляды в отношении того, что мы принимаем за цивилизацию. Если бы я спросил у большинства, в чем по вашему мнению состоит цивилизация, то мне ответили бы: цивилизация есть смягчение нравов, учтивость, вежливость и знания, распространяемые для того, чтобы соблюдались правила приличий и чтобы эти правила играли роль законов общежития» [цит. по: 1, с. 49]. К концу XVIII столетия понимание слова «цивилизация» претерпело некоторые изменения, появилось представление о «ступенях» и «стадиях цивилизации». Позднее, в 20-е годы XIX столетия, формируется представление о цивилизациях как о более или менее разнородных и самобытных, локальных образованиях [см. : 1].

В то время как во французской и английской традиции понятия «культура» и «цивилизация» считались взаимозаменяемыми и не содержали глубоких различий, в немецком и русском культурфилософском и языковом опыте они рано были выявлены как противоположности [1, с. 34]. Классическую для XX в. концепцию цивилизации выдвинул немецкий культуролог Освальд Шпенглер в работе «Закат Европы» (1918-1922). По его мнению, единой «мировой культуры» не существует, как не существует культурного наследия и диалога культур; жизнь человечества – это непрерывный процесс рождения и гибели культур, которые представляют собой замкнутые и уникальные «организмы» со своей внутренней организацией. Ученый считал, что срок их жизни составляет 1200-1500 лет, после чего они исчезают, оставив после себя разнообразные материальные следы. Процесс разворачивания культуры во времени, по его мнению, связан с омертвением ее «органов», упрощением структуры, переходом от разнообразия к единодушию, от органической целостности всех элементов к механическому их сочетанию. В конце концов, «культура» перерождается в «цивилизацию», для которой характерны интеллектализм и техницизм, отход от творческого восприятия мира. Цивилизация предстает у него высшей стадией культуры, на которой происходит ее окончательный упадок: «Что такое цивилизация, понимаемая как логическое следствие, завершение и исход культуры? <...> В первый раз эти два слова, обозначавшие до сих пор смутное этическое различие личного характера, рассматриваются здесь в периодическом смысле, как выражение строгой и необходимой органической последовательности фактов. Цивилизация есть неизбежная судьба культуры. <...> Цивилизация – это те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей. Они – завершение, они следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевым детством, являемым нам дорикой и готикой. Они – неизбежный конец, и тем не менее с внутренней необходимостью к ним всегда приходили. <...> Чистая цивилизация, как исторический процесс, представляет собой постепенную разработку (уступами, как в копиях) ставших неорганическими и отмерших форм» [11, с. 69-70]. Таким образом, цивилизация в построениях О. Шпенглера – это

заключительный этап развития культуры, для которого характерно господство научных и технических достижений над духовной сферой (религией и искусством).

Работы П.М. Бицилли, посвященные проблемам «цивилизации» и «культуры» совпадают с периодом, когда шла полемика вокруг «Заката Европы» О. Шпенглера. Критикуя Шпенглера за двусмысленность его «органической» теории, приводящей к биологизму и натурализму, за неразборчивость и ненаучность «интуиции», П. М. Бицилли все-таки вводит в свои исследования понятия «цивилизация» и «культура» в «шпенглеровском» понимании: «сфера культуры – сфера свободного творчества; сфера быта или «цивилизации» – сфера инерции, традиции, подражания» [8, с. 167]. Однако ученый в корне не согласен с попытками Шпенглера резко противопоставить эти категории: «Шпенглер определял Культуру, противопоставляя ее Цивилизации: культура – творчество, цивилизация – механическая, автоматическая деятельность. В пределе культурный человек – творец, демиург, поэт – в буквальном смысле последнего слова; цивилизованный человек – робот. Но робот – не-человек; «человек-робот» – фикция, внутренне-противоречивое понятие. Шпенглер был эпигоном романтизма. В его гениальности была какая-то умственная порочность, состоявшая в том что, изолируя каждый «момент» той или иной идеи, он, игнорируя диалектику жизни, развивал этот «момент» с прямолинейной последовательностью, и доходил до абсурдов. Творчество как-то противостоит совместной, основанной на разделении труда, работе. Значит, всякая такая работа – «цивилизация», отрицание «культуры»; а значит – вредоносна и в той сфере, в которой она совершается. Явная, бьющая в глаза нелепость, нежелание считаться с фактами, с жизнью» [10, с. 383].

П.М. Бицилли делает важное замечание, обращает внимание на то, что упустил из виду немецкий историк: совершенно разграничить сферы цивилизации и культуры невозможно, т.к. в исторической эмпирии они «смешаны» друг с другом, и чем выше цивилизация, тем прочнее она укоренена в культуре. «Культура и цивилизация не два полюса, а два различных *умственных плана*. Шпенглер не понял этого – и вот почему он остался, в сущности, на обывательской точке зрения, сводящейся к неразличению понятия культуры и ее условий, ее средств, ее проявлений» [10, с. 384]. Материал, с которым имеют дело историк культуры и историк цивилизации, – один и тот же, поскольку всякий продукт человеческой деятельности может быть памятником культуры, т.е. обладать помимо своего специального назначения и особым символическим смыслом. Трудность в том, что при исследовании здесь легко впасть в соблазн *примышления* таких «смыслов» (за что Бицилли неоднократно и критикует Шпенглера). Следует проявлять осторожность при изучении «материала», являющегося продуктом свободного и неподчиненного утилитарным соображениям творчества, и помнить о том, что «сфера культуры есть собственная сфера гения, а сфера цивилизации – собственная сфера «среднего человека» [8, с. 168].

В размышлениях П.М. Бицилли культура и цивилизация предстают как «равноправные». Он критикует О. Шпенглера за предложенную последним иерархию сфер человеческой деятельности: одни, «высшие», относятся к «культуре», другие, «низшие» – к «цивилизации». Искусство, религия, метафизика – это «культура»; хозяйство, наука, техника – «цивилизация». Отказываясь от иерархических построений, ученый разграничивает сферы цивилизации и культуры с точки зрения коллективного делания и индивидуального творчества. «В первой человек отдает часть самого себя коллективу – и чем безусловнее, чем полнее, тем совершеннее структура этой сферы: ту часть, которая ему, как индивидуальности, собственно и не принадлежит, – безразличный, общий рассудок. Во второй человек ничего не отдает, но все забирает себе: выражая себя, микрокосм выражает макрокосм, реализуя себя, реализует, по своему, Все. Проблема, подлежащая разрешению – сделать так, чтобы каждому, участвующему в первой сфере, была обеспечена возможность участвовать и во второй» [7, с. 58].

Большое внимание уделяет П.М. Бицилли и проблеме прогресса, понимая под ним поступательное движение вперед, к какой-то цели. Ученый допускает возможность «условно и с известными ограничениями» говорить (когда дело идет об общей схеме развития искусства и других видах человеческой деятельности) о стадиях «примитивной» культуры и «классической», т. е. отличающейся большей сложностью, большей свободой, большей сознательностью и т.д. В то же время он избегает терминов «прогресс» или «эволюция» по отношению к культуре: «Принято говорить о «культурных достижениях», о прогрессе культуры, имея в виду небоскребы, асфальтовые мостовые, электрическое освещение, рост газетного тиража и т. под. «Культурный город» – никто не замечает, как бессмысленно такое словосочетание» [10, с. 384].

Культура постоянно меняется (не количественно, но качественно!) и, по мнению ученого, совершенно бесплодно пытаться подвести ее трансформации под определенный «закон»: «У культуры есть свой прогресс, особого рода, – без закономерности, без прямолинейности, без необходимости осуществления сознательно поставленных целей, – состоящий в накоплении результатов духовного опыта, в обогащении запаса духовных стимулов и творческих возможностей» [9]. Ее нельзя «измерять», но только оценивать. В процессе движения жизни во времени количество ценностей постоянно возрастает. От большинства из них мы освободиться не можем, и этого нам и не нужно, так как всякая новая ценность означает новый духовный опыт, который вовсе не отменяет все предыдущее: «Каждый, способный думать и чувствовать человек, прочитавши Достоевского, становится другим человеком, духовно перерождается, делается духовно богаче; но это не сопровождается никаким вытеснением в его сознании Дон-Кихота или Божественной Комедии. Братья Карамазовы не отменили этих произведений. Напротив: появление всякой новой культурной ценности обогащает, углубляет смысл всех предыдущих, и в этом состоит прогресс» [6, с. 333]. Накопленные результаты духовного опыта не стареют, если только суметь найти в них *вечное*:

«Еврипид, Сервантес и Толстой, Платон и Кант «современны» друг другу, находятся вне истории, то есть вне времени...» [3, с. 386]. Накопительный характер развития культуры приводит к тому, что «современный человек потенциально неизмеримо богаче древнего, или человека Ренессанса, или – Просвещения. Ему открыта возможность духовного общения с гораздо большим кругом «вечных спутников» [10, с. 385]. В рамках культуры каждое явление самоценно и не сводимо к другому, именно это качество позволяет им всегда и везде сохранять свое значение: «Чудо культуры – ее собственный смысл, тогда как средний «цивилизованный» человек ценит в Культуре единственно ее значение для Цивилизации, т. е. общего уровня, общих навыков поведения, общих представлений и соответствующей им системы общезначимых символов. Поэтому «цивилизованный» человек сплавляет Толстого и Достоевского в Толстовского и меряет Тригорина-Чехова Тургеневым (...хороший был писатель, но он писал хуже Тургенева), просто не понимая того, что в мире Культуры все феномены несоизмеримы» [9, с. 307]. Что касается цивилизации, то здесь «возможен – даже неизбежен прогресс, который в том и состоит, что что-то остается позади и притом безвозвратно: от радиопередачи нет возврата к Pantoffelpost, от автомобиля к «дилижансу», от Пастера к Галену» [10, с. 384]. Другими словами, появление нового влечет за собой отмену предшествующей ценности той же категории.

Ученый отрицает «органическую» закономерность в жизни культур, хотя и признает, что проделанная О. Шпенглером работа имеет для исторической науки колоссальное значение. Он считает, что «дряхлость», «старческое бессилие» культуры, ее «гниение» – это мало что говорящие и способные только привести к недоразумениям натуралистические метафоры. Всякое изыскание «причин» взлетов и падений культуры сводится, в конце концов, к морфологическому описанию их признаков. Ученый связывает это с убыванием духа религиозного горения, духа творчества, духа дерзания, что является такой же *тайной* (курсив мой – Ю. К.), как и внезапное появление творческих гениев [4, с. 539]. И все же, по мнению историка, эти процессы – несомненный исторический факт: «...думается, что есть единственный непреложный закон истории – это закон ритмики жизни, в значительной мере определяемый фактом смены поколений, закон колебаний исторического маятника» [цит. по: 2, с. 689]. Неизбежно для каждого общества приходит время, когда центр тяжести переносится с внутреннего на внешнее, из сферы личного бытия в сферу социального, когда все творческие возможности уже исчерпаны и остается одно – хранить уже добытое и накопленное. Когда культурные ценности обратились в «музейные вещи», когда они перестают быть возбудителями творческой энергии, это значит, что от «культуры» остается только ее материальный состав, что дух жизни отлетел от нее [4, с. 544]. Вслед за Шпенглером он определяет это время как «вырождение «культуры» в «цивилизацию».

Характерные признаки кризиса Бицилли наблюдает в современном ему мире: «отсутствие индивидуализирующих, ограничивающих ее [культуру] «властителей дум», эклектизм, готовность все пожрать без разбору, какая-то бесстыжая «отзывчивость» на любые «зовы», какое-то старческое искание все новых и новых «возбудителей» («Восток», «новый», именно и непременно «новый», «религиозный опыт», или же просто хотя бы «исконные», но давно забытые, «традиции» и т. под.), глотание самых разнообразных кусков без тени ассимиляции». Опасность же положения, по мнению историка, кроется в том, что «от всех этих экспериментов не шалеют, не сходят с ума, но пассивно ждут какого-то «возрождения» [4, с. 543].

«Цивилизация» может надолго заглушить «культуру», и психологический уклад среды за это время коренным образом изменится, на развалинах «цивилизации» может возникнуть новая по стилю культура, мыслимо и настоящее возрождение старой культуры. Исследователь видит возрождение культуры в «отнесении» всего многообразия ценностей к некоторой верховной ценности, к тому, что выше человека как такового, а именно – к Богу. «Религия не есть «Privatsache», – это логически нелепое понятие, ибо религия, в своем существе, есть не что иное, как общение религиозного субъекта с Миром и с Богом. Но это общение мистического свойства. Оно совершается в плане, не имеющем никаких точек соприкосновения со всеми другими планами, в которых протекает жизнь – и именно потому оно осмысливает собою все виды деятельности человека и тем объединяет их, т. е. обеспечивает цельность человеческой личности [7, с. 57]». Степенью напряженности стремления выйти за пределы «человеческого» определяется значительность, внутренняя ценность и целостность культуры. «Великие люди и великие культуры характеризуются именно этой, исчерпывающей их сущность, устремленностью к Абсолютному. Потому-то лишь на почве религии возникли великие «исторические» культуры – Израиля, Египта, Эллады, Индии, германо-романских народов средневековья, православной Руси» [5, с. 27]. Возможные же срывы на этом пути в пропасть демонизма и «сверхчеловечества» носят, по мнению ученого, скорее исключительный характер, свидетельства о безумии их идеологов.

Необходимыми условиями процесса возрождения культуры являются творческое самоограничение и самососредоточение, которые заключаются, прежде всего, в усмотрении наличия Высшего. Исходная точка всякого возрождения есть тяготение к Богу, а вовсе не претензии на национальное или расово-культурное «самоопределение» и «выявление своего лица», какие мы наблюдаем в нынешнее время. Тогда ценности сами собой слагаются в гармоническое целое, сливаются в одну ценность. И это есть Возрождение культуры. Кроме того, оно не совершается по заказу: «О подлинном Возрождении ничего не знали в тот момент, когда оно началось. Св. Франциск не думал ни о каком «возрождении» в тот день, когда он навеки обручился с Госпожой Бедностью, ни Лютер о «реформации», когда он ломал себе голову над вопросом о спасении души доктора Мартина» [4, с. 545].

Таким образом, можно сказать, что культура подобна реке, которая никогда не иссякает: «Культуры не умирают, что бы с ними не случилось в исторической эмпирии. Культура Италии живет вечно в Данте,

Петрарке, Бокаччо, Ариосто и Тассо, хотя итальянская литература уже давно из мировой стала провинциальной» [10, с. 332]. Как изменчива река, так и культура постоянно трансформируется. «Материя» культуры остается прежней, и по своим элементам новая культура до крайности близка предшествующей. Но «с перерождением интуиции меняется угол зрения, перспектива, меняется эмоциональный тон, самочувствие и самосознание» [8, с. 148]. То есть смена одной культуры другой происходит тогда, когда меняется интуиция жизни, проявляющая себя во всех сферах. Именно такие качественные изменения и служат для ученого критерием периодизации.

Таким образом, воззрения П.М. Бицилли на проблему соотношения понятий «цивилизация» и «культура», сформировавшиеся и высказанные им более 70 лет назад, остаются актуальными и сегодня. Возвращение и изучение его наследия представляется не только восстановлением исторической справедливости по отношению к этому блестящему мыслителю, но и обогащением современного гуманитарного знания.

Источники и литература:

1. Асоян Ю. Историография концепта «cultura» (Античность – Ренессанс – Новое время) / Ю. Асоян, А. Малафеев // Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX - начала XX веков / Ю. Асоян, А. Малафеев. – М., 2000. – С. 29-61.
2. Бирман М. А. Петр Михайлович Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого / М. А. Бирман // Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / П. М. Бицилли; сост. Ф. Б. Успенский; отв. ред. М. А. Юсим. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 633-720.
3. Бицилли П. М. Очерки теории исторической науки / П. М. Бицилли. – Прага: Пламя, 1925. – 339 с.
4. Бицилли П. М. Св. Франциск Ассизский и проблема Ренессанса (1226-1926) / П. М. Бицилли // Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / П. М. Бицилли; сост. Ф. Б. Успенский; отв. ред. М. А. Юсим. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 533-549.
5. Бицилли П. М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории / П. М. Бицилли. – Прага: Единство, 1930. – 38 с.
6. Бицилли П. М. К пониманию современной культуры: Проблема универсального языка / П. М. Бицилли // Современные записки. – Париж, 1932. – Кн. 49. – С. 318-334.
7. Бицилли П. М. Проблема нового средневековья / П. М. Бицилли // Новый град. – Париж, 1932. – № 2. – С. 50-58.
8. Бицилли П. М. Место Ренессанса в истории культуры / П. М. Бицилли. – СПб.: Мифрил, 1996. – С. 3-170.
9. Бицилли П. М. Трагедия русской культуры / П. М. Бицилли // Современные записки. – Париж, 1933. – Кн. 53. – С. 297-309.
10. Бицилли П. М. Проблемы современности / П. М. Бицилли // Современные записки. – Париж, 1936. – Кн. 62. – С. 382-392.
11. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер; вступ. ст. А. П. Дубнова. – Новосибирск: ВО «Наука»; Сибирская издательская фирма, 1993. – 592 с.

Медведева В.В.

УДК 37.016:[792.024:687.16]

ТЕАТРАЛЬНАЯ МАСКА: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Современный театр достаточно активно пытается возобновить и широко использует традиции практиков XX века, оставившим нам в наследие интерес к «игровому» театру, к театру острой, выразительной формы, театру зрелища, трансформации, театру «социальной» маски. Отсюда и возобновление интереса к театральной маске.

Наибольших успехов в применении маски в театральной педагогике достигли французский режиссёр и театральный педагог Ж. Копо (1878-1949) и его последователи: М. Сен-Дени, Ж. Лекок. Свой вклад в работу с маской внесли Ж. Даеде, Ш. Дюллен, Ж.Л. Барро, Ж. Вилар, Д. Стреллер, Д. Фо.

В «Театре Старой Голубятни», созданном Жаком Копо в Париже, между 1920-1924 годами, Копо широко практикует занятия с маской, которая становится для него фактором психофизического освобождения, движущей силой перевоплощения, одним из методов подготовки актёра, развивающим выразительность, воображение, эмоциональную природу и способность мыслить. Практика работы с маской у Копо служила выработке практических актерских умений работы в разнообразных стилях и жанрах театрального искусства. Копо практикует занятия с нейтральной маской (маской «благородной»). Он осуществляет идею создания спектакля на основании современных масок, придуманных актёрами его студии, широко использует речевой прием «граммело», идет к обновлению театра через нравственное перевоспитание актёра, совершенствование его внутренней и внешней техники, пересмотр и обогащение выразительных средств [8, с. 51].

Стиль искусства «Старой голубятни» представлял собой синтез принципов условного театра символистов и новейшие поиски театра психологического. Максимальная простота и скупость внешнего оформления спектакля стала признаком этого театра и потому, что на фоне скупого оформления